

ОБЩЕСТВО И ТРАГЕДИЯ. НОВАЯ РОЛЬ ШКОЛЬНОГО ПСИХОЛОГА *

Б.ШТЕЙН**

В статье обсуждается работа служб экстренной помощи, функционирующих в системе школьного образования. Автор описывает историю возникновения таких служб в Израиле и предлагает к рассмотрению опыт, накопленный в этой стране за последние десятилетия. В статье описывается пофазовая модель кризисного вмешательства и приводится ряд примеров, показывающих, как такая модель работала в условиях конкретных кризисных ситуаций.

Мы живем в эпоху стремительно растущего знания, когда, благодаря новейшим научным открытиям и постоянно обновляющимся технологиям, существенно повышается уровень жизни людей. Но правда и то, что наше существование находится под постоянной угрозой кризиса и катастроф. Кроме естественных катаклизмов – землетрясений, наводнений, ураганов, то и дело обрушивающихся на человечество в разных точках земли, мы сталкиваемся также с угрозами войн и терроризма.

Все мы – потенциальные жертвы, но больше всего страдают дети, поскольку они наиболее незащитны. Множество детей переживают сейчас последствия ужасных событий в Южной Африке, в бывшей Югославии и Ираке... всего не перечислить. Как школьные психологи мы обязаны прийти им на помощь. У нас есть средства, которые позволяют с меньшими потерями пережить кризис и справиться с его последствиями, как отдельному индивиду, так и целым сообществам. И наша обязанность – в том, чтобы как можно больше людей могло воспользоваться этим знанием.

* В основе статьи – доклад, сделанный на XIX Международной конференции по школьной психологии в Эгере, Венгрия, в 1996 г. Перевод с англ. **Н.Ю. Федунин**.

** **Берни Штейн** – доктор философии, департамент психологических и консультативных служб Министерства образования Израиля.

Цель данной статьи – представить проект реализации психологических, социальных и образовательных аспектов этой задачи. Я имею в виду участие психологов:

- 1) в подготовке общества к эффективному совладанию с кризисами на индивидуальном, школьном, общественном и национальном уровнях;
- 2) в психологической подготовке детей и взрослых к потенциальным и актуальным бедствиям;
- 3) в непосредственных интервенциях в случае кризиса;
- 4) в работе с психологическими проблемами, которые могут возникнуть как следствие кризиса.

Я буду опираться на опыт, накопленный в Израиле в течение последних 25 лет (*Klingman, 1992a, 1992b; Solomon, 1995*). За это время школьная психологическая служба в Израиле показала, что она может играть значительную роль при работе с кризисными ситуациями, расширив свое влияние за пределами школы и выйдя на общественный и национальный уровни.

Школьная психологическая служба в Израиле находится в ведении Министерства Образования. Департамент психологических и консультативных служб финансирует и курирует работу 240 школьных психологических служб по всей стране. В этой системе работают 1600 школьных психологов, нанимаемых местными муниципалитетами и региональными советами. Кроме того, около 2400 консультантов нанимаются непосредственно школами. Департаментом был разработан ряд превентивных программ в области борьбы с наркотиками, насилием, жестоким обращением, злоупотреблением алкоголем, а также в области сексуального просвещения, формирования социальных навыков и пр. Департамент также консультирует министерство образования по поводу психологических аспектов образовательной политики. Когда случаются чрезвычайные события, затрагивающие детей, отдел мобилизует психологов и координирует с Министерством образования предпринимаемые меры.

Необходимость обучения школьных психологов работе в условиях чрезвычайных событий возникла, в частности, в связи с очевидностью того факта, что часть сообщества, включая и школьное руководство, сталкиваясь с серьезными проблемами, будь то единичная смерть или широкомасштабная катастрофа, демонстрировала ярко выраженную стратегию отрицания. После какого-либо трагического события учителя входили в класс и, не зная, что делать, предпочитали его игнорировать, делая вид, как будто ничего не произошло. Психологи отмечали в этих случаях растущие признаки стрессового состояния, как у детей, так и у самих учителей. Выражения страха и тревоги по обыкновению стремились избежать,

поскольку это считалось признаками слабости (*Lahad, Cohen, 1988*). Войну далекого уже 1973 года можно рассматривать как первую брешь в этом щите, тогда впервые появилось желание говорить о своих переживаниях, делиться ими. После этого начали создаваться программы кризисного вмешательства, в основе которых лежало предположение о важности «вентиляции» чувств, связанных со стрессовым или травматическим событием, а также необходимость подготовки учителей к тому, как вести себя в классе и как разрешать возникающие в этих условиях проблемы. Были разработаны также программы подготовки учащихся и школьного персонала к эффективному совладанию с эмоциональными и поведенческими аспектами реакции на потенциально травматическое событие. С развитием подобных программ они естественным образом распространилась с уровня отдельной школы на более широкий уровень сообщества. Становилось все очевиднее, что кризисная ситуация должна рассматриваться и разрешаться в более широком контексте и что необходима координация разных общественных служб, дабы можно было использовать все имеющиеся в сообществе возможности и системы поддержки, а также повысить чувство безопасности у населения. Общеизвестным стало понимание роли четкого руководства и распространения точной информации, в связи с чем были созданы кризисные команды, готовые действовать по первому сигналу в случае критического события.

Такая организационная схема отражает все большее смещение акцентов в области функций и обязанностей школьного психолога от традиционной сосредоточенности на «проблемах» детей, диагностике, консультировании в рамках школы – к выполнению роли районного психолога, обслуживающего сообщество, общину, в широком смысле этого слова. Во время кризиса к нему могут обращаться за помощью персонал школы, администрация района и пр.

К счастью, мы принадлежим к поколению, над которым уже не так тяготеет дух догмы, некоего абсолюта. Все очевиднее неполнота и частичность тех решений, которые мы можем предложить. Достигнутая человечеством умеренность отражена в знаменитом замечании Нильса Бора о том, что противоположностью верного положения является неверное положение, в то время как противоположностью глубинной истины является другая глубинная истина. Данное утверждение восходит еще к Гераклиту, который в 513 году до н.э. написал, что нечто является истинным, если истинна его противоположность. Все это полезно вспомнить, ибо во времена кризисов маятник раскачивается сильнее, достигая все более крайних положений. Программа обучения может помочь осознать, что истина вбирает в себя крайности. И не существует совершенного реше-

ния социальных проблем, а погоня за ним слишком часто приводит к насилию и кровопролитию.

Есть одна замечательная притча об опытной природе всех наших «истин». Это история о человеке, который многие годы стремился познать, что есть истина, но не находил никого, кто бы мог дать ответ на этот вопрос. Он покинул родные края, долго странствовал, пока в один прекрасный день не добрался до пещеры, расположенной высоко в горах, где ему встретилась старенькая, невзрачная женщина, сказавшая, что знает истину. Многие месяцы, даже годы внимал он ее словам и, наконец, почувствовал, что знает ответ. Он собрался возвращаться домой, но прежде, чем покинуть пещеру, поблагодарил женщину и спросил, что бы она хотела получить за свою мудрость и терпение. После долгого молчания она произнесла: «Скажи людям там, внизу, что я молода и красива».

Опытная природа истин приобретает особое значение во времена кризисов, когда каждая новая трагедия мгновенно обрастает слухами, а стремительность развития событий превращает все новости в нечто временное, шаткое, неточное. Сравнительно недавнее исследование, посвященное проблеме поведения в экстремальных ситуациях, обобщает данные, полученные Американской Психологической Ассоциацией после войны в Персидском заливе 1991 года. Группа психологов работала со стрессом, вызванным войной, одновременно разрабатывая стратегии предотвращения и лечения психологических, психосоциальных и психосоматических расстройств, обусловленных экстремальными ситуациями. В тексте заключения, где группа подводила итоги своей работы, подчеркивалась важнейшая роль точного информирования о том, что произошло и почему, в котором особенно нуждаются дети, но и не только они. Адекватная возрасту информация может распространяться СМИ и распределяться по школам и общественным организациям.

Дети гораздо реже говорят о своих проблемах, возможно, потому, что реже и понимают, что они у них есть. Но это не значит, что они не переживают их. Связанные со стрессом проблемы могут отразиться на учебе, отношениях со сверстниками, членами семьи. Дети также более уязвимы, поскольку у них меньше средств, позволяющих справиться со стрессовыми событиями. Недостаток опыта может также привести к преувеличению трудностей и невозможности увидеть свет в конце туннеля. Акцент должен делаться на информации о возможных реакциях, о способах, не только позитивных, но и негативных, которые могут прийти в детскую голову в попытке справиться с критической ситуацией, если таковая возникла. Важно также, чтобы ребенок знал, куда можно обратиться за помощью.

Успешное совладание с кризисной ситуацией на уровне сообщества зависит от степени подготовки и возможности быстрой мобилизации всей организационной структуры. Клингмэн (*Klingman*, 1992) разработал некоторые понятия, которые можно считать ключевыми в политике кризисного вмешательства:

– **кризис** – состояние временной нестабильности индивида или социальной системы. Этимологически слово «кризис» происходит от греческого *krisis* – «решение» и *krino* – «решать», что позволяет рассматривать его как двойственное явление, не обязательно негативное по своей сути. Выделяются два основных типа кризиса: развития (от одного этапа к другому) и ситуативный, неожиданный кризис (куда относятся безработица, болезнь, смерть, война и пр.). В обоих случаях наблюдается разлад ранее сложившихся форм поведения, старые средства разрешения проблем рассматриваются как неэффективные. Успешное совладание с кризисом предполагает переоценку ситуации, адаптацию имеющихся ресурсов к новой реальности, привлечение естественных систем поддержки. Люди в ЧС часто не откликаются на традиционные формы консультативной работы, необходимым бывает непосредственное, прямое руководство;

– **бедствие, катастрофа** – обычно неожиданное событие, приносящее серьезный ущерб жизни и собственности, частично или полностью разрушающее социальную структуру и ведущее к прерыванию нормальной жизни;

– **система поддержки** – семья, социальные, религиозные, общественные организации (включая школы), которые могут быть эффективно использованы для помощи людям в ЧС. Обеспечивают эмоциональную, информационную поддержку, подчеркивают позитивные ресурсы, предлагают конкретную помощь;

– **предотвращение** – понятие, заимствованное из медицинской модели. Вместо того, чтобы ожидать возникновения проблемы и только затем решать ее, предпочтительнее сделать все, чтобы она не возникла, а также «привить» здоровых. Психологическая интервенция в кризисной ситуации основывается на этой превентивной модели и направлена на предотвращение развития посттравматических расстройств;

– **первичная профилактика** – подготовка людей и общественных систем к эффективному совладанию с кризисными ситуациями путем предоставления информации и средств, которые могут быть использованы в случае необходимости;

– **план действия** должен быть тщательно подготовлен и актуализироваться в случае необходимости. Очевидно, что эффективное планиро-

вание затруднено во время самого кризиса. Оно должно включать проигрывание возможных ситуаций, организацию материала, который может пригодиться.

Грин (*Green*, 1994) предложил различать следующие *фазы кризиса*:

Первая фаза – докризисная. Общая тенденция на этой стадии – отрицание (как на уровне индивидуальном, так и групповом): «со мной (с нами) этого не случится». В таком случае наиболее частой реакцией будет ступор, и лишь меньшинство будет предпринимать шаги по выходу из кризиса. Расстояние до места ЧС – критический фактор, хотя необходимо разграничение физического и психологического уровня (мы можем ощущать себя в центре бедствия, если там находятся близкие нам люди). Поведение на этой стадии зависит от многих факторов, таких как возраст, опыт, жизненный стиль, религиозные убеждения, сфера социальных контактов, системы поддержки.

Вторая фаза – предупредительная (при некоторых типах ЧС есть возможность эвакуации населения). Опять же возможен большой спектр различных реакций – от гиперактивности до ступора. Исследования показали, что большинство населения не паникует и использует имеющуюся информацию для снижения неопределенности и улучшения функционирования, а также создания новых способов действия в ситуации.

Третья фаза – стадия воздействия, время самого события. На этой стадии большинство реакций – физические: ранения, дефицит продуктов первой необходимости и пр. СМИ теперь выступают на первый план, передавая репортажи о трагедии, и могут оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на *ситуацию*.

Четвертая фаза – осознание происшедшего, когда мы спрашиваем себя: «Что произошло со мной, с моими близкими, с тем, что мне принадлежит, моей собственностью?». Эти две последние стадии могут быть очень короткими, но могут быть и мучительно долгими при отсутствии информации.

Вмешательство в течение этих 4-х фаз краткое и совершается по заранее согласованным схемам. В антикризисных планах должны быть четко определены роли и задачи каждого. Вмешательство имеет физический, психологический, социальный, медицинский, моральный и др. аспекты.

Пятая фаза – спасательные работы, обеспечение помощи, которая в первую очередь направлена на спасение человеческих жизней, и в которой задействованы как профессионалы, так и волонтеры. У самих спасателей на этой стадии могут наблюдаться симптомы гиперактивности и тревоги, что говорит об отдельной задаче – *помощи помогающим*.

Шестая фаза – стадия *репарации* (компенсации, возмещения). Специалисты оценивают нанесенный ущерб на разных уровнях (индивидуальный, групповой, окружной), в разных областях и рекомендуют меры, которые необходимо предпринять.

Седьмая фаза – стадия *реабилитации* подразумевает возвращение к нормальной жизни, к прежнему уровню функционирования. Катастрофа имеет начало и конец, однако реабилитация может занять длительное время.

Кризисное вмешательство (экстренная помощь), по определению своему, ограничено во времени, осуществляется, пока продолжается кризисная ситуация. Это вмешательство основывается на допущении, что проявляющиеся во время кризиса дисфункциональные феномены не являются патологическими и необратимыми, поэтому помощь нацелена на действие в ситуации «здесь и теперь» и не имеет дело с глубинными психологическими проблемами. Кризисы обостряют имеющиеся проблемы и часто приводят к проявлению скрытой патологии. Но кризис также несет в себе возможность усовершенствовать функционирование общества и изменить защитные механизмы. Эффективная работа на уровне сообщества необходима также для детей, чья реакция на ЧС зависит от поведения взрослых, и неудачное вмешательство грозит обернуться новой трагедией.

Хочу описать, как работает эта модель кризисного вмешательства, используя для сравнения два примера. Первый из них взят из опыта Израиля и представляет работу хорошо слаженной системы, которая быстро и эффективно приводится в действие. Вторым – пример экстренного вмешательства в другой стране, не имеющей необходимой инфраструктуры для совладания с кризисом, когда основной целью вмешательства было только еще формирование такой системы.

Для примера программы вмешательства в Израиле я взял работу школьных психологов во время ликвидации последствий взрывов в Иерусалиме и Тель-Авиве в феврале 1996 года, приведших к гибели 56-ти человек и массовым ранениям. Ход событий был сходным в обоих случаях: трагедия, непрекращающееся муссирование произошедшего средствами массовой информации, страдания тех, кто был ранен при взрывах бомб, мобилизация различных ЧС служб. Я рассмотрю подробнее лишь работу школьных психологических служб, хотя, безусловно, они являются частью гораздо более широкой системы.

Как только стало известно о взрывах бомб, были мобилизованы команды школьных психологов обоих городов. Их непосредственной функцией было участие в операциях по спасению и осуществление следую-

щих задач: 1) помощи в организации информационной службы и телефонной горячей линии; 2) сопровождения семей погибших в морг, чтобы находиться рядом с ними во время опознания погибших и обеспечить необходимую помощь; 3) установления непосредственного контакта со всеми школами, где имелись учащиеся или учителя, связанные с погибшими или получившими ранения; 4) переговоров с персоналом всех школ относительно плана следующего учебного дня, первый урок которого должен был быть отведен обсуждению события.

Все эти ситуации характеризуются динамичным развитием событий и требуют значительной гибкости со стороны тех, кто осуществляет вмешательство. Вот некоторые функции психолога, важные в этом контексте: 1) участие в муниципальном ЧС комитете, в состав которого входят представители здравоохранения, безопасности, образовательной системы города; 2) постоянный контакт со школами, так, чтобы они могли обратиться за помощью при возникающих проблемах, таких, как необходимость проконсультировать учащихся, подготовить учителей к обсуждению в классе, поработать с родителями и т.д.; 3) работа с прессой и интервью в качестве экспертов по психологическим реакциям на трагедию; 4) влияние на прессу в целях снизить эмоциональный накал их передач и статей, поскольку люди реагируют не только на самое событие, но и на то, как оно представлено в СМИ. Важно убедить прессу не уделять слишком много времени интервью с пострадавшими, их семьями и очевидцами сразу после события, когда они все еще находятся в состоянии шока и могут сказать то, о чем впоследствии будут жалеть.

Департамент психологической и консультативной служб Министерства образования выслал соответствующие директивы и руководства к действию во все школьные психологические службы, были также подготовлены письма, выражающие поддержку, описывающие происшедшее событие в более широкой исторической перспективе и призывающие вернуться к нормальной жизни как можно скорее.

Дальнейшие действия Департамента включали мобилизацию психологических служб в других частях страны. Многие выходцы из других городов были ранены или убиты во время терактов. Необходимо было обеспечить готовность принять этих людей.

Последствия трагических событий имеют огромное влияние на жизнь страны. Непосредственные реакции часто бывают истерическими, выражающими беспомощность и обычно сопровождаются чувством обреченности. Нередко такие события влекут за собой активизацию экстремистов, призывы к мести и т.п. Впрочем, эти реакции обычно достаточно кратковременны – данные, собираемые в течение многих лет, показыва-

ют, что длительные патологические и хронические реакции на трагедию довольно редки. В определенной степени это может быть следствием превентивных программ, разворачивающихся на протяжении нескольких лет, а также активного включения систем поддержки.

Важно также учитывать внутренние ресурсы человека и присущие ему способности справляться с трагедией. Интересно, что в еврейской традиции существует период семидневной скорби после смерти близкого родственника, что помогает человеку вернуться в русло обычной жизни. З.Фрейд говорил об этом в работе «Печаль и меланхолия», подчеркивая, что активное выражение эмоций, при котором гнев, вина, боль, печаль проявляются открыто и принимаются в группе, способствует успешному преодолению потери и возвращению к нормальному функционированию, в то время как отсутствие горевания и эмоционального выражения увеличивает вероятность депрессивных симптомов в дальнейшем.

Вопрос о *помощи помогающим* на стадии спасательных операций часто игнорируется. Психологи и другие специалисты бывают так сильно включены в работу и атмосферу ЧС, с ее постоянным напряжением, что забывают о себе, своих нуждах и тревогах, или формируют защитный механизм отрицания и изоляции. Очень важно создать ситуацию, в которой эти люди могли бы говорить о своих чувствах и страхах, поделиться ими с коллегами. После взрыва в Оклахома-Сити все, кто извлекал раненых и убитых из-под обломков зданий, проходили последующие консультации со специалистами. Это позволяло им выразить то, что они пережили сами, прийти в себя перед следующей операцией или же возвратиться к обычной жизни.

А теперь позвольте мне рассказать о другом случае ЧС вмешательства. 18-го июля 1994г. бомба разрушила семиэтажное здание Центра Еврейской Общины в Буэнос-Айресе. Погибло 98 человек, ранено – более 200.

Еврейская община в Буэнос-Айресе составляет около 200 000 человек. В городе – 44 еврейские школы, 18 000 детей. Имена террористов неизвестны, но антисемитская направленность взрыва не оставляет сомнений. Ни еврейская община, ни правительственные организации не имели предварительного плана действия и были растеряны; попытки справиться с ЧС носили неорганизованный характер.

На оказание помощи были посланы четыре израильских специалиста. Команда состояла из школьных психологов, прошедших подготовку в клинической психологии и имевших опыт экстренной помощи. Предварительный план действий был разработан в течение 27-часового перелета. Информации о происходящем в Буэнос-Айресе поступало мало. Было

решено, что 1) команда займет не позицию внешнего эксперта, приехавшего, чтобы спасти или научить, что делать, но позицию специалистов, имеющих опыт вмешательства в кризисных ситуациях и готовых им поделиться, оставляя местным специалистам выбор того, что более подойдет их реальности; 2) команда не будет иметь дело с разбором индивидуальных случаев, но исключительно с общественными системами, в частности, с ответственными за школьную систему, а также со специалистами, работающими с семьями пострадавших; 3) работа будет вестись совместно с местными специалистами, которые далее продолжают ее самостоятельно; 4) ни один член команды не будет давать интервью прессе в процессе работы; 5) особое внимание будет уделено установлению контакта с местными специалистами, чтобы не вызвать сопротивления с их стороны (Буэнос-Айрес – один из городов с наибольшим количеством психологов на душу населения, однако, большинство из них – психоаналитической ориентации, тогда как подходы краткосрочной терапии и работы с сообществом здесь не так распространены); 6) команда отдавала себе отчет, что может стать мишенью агрессии, вытекающей из чувства бессилия, страха, гнева у местного населения.

Первым шагом израильских психологов стало проведение встречи с руководителями еврейской общины. Ожидания в отношении работы прибывшей команды были очень велики. Задавалось много самых разных вопросов, например, как говорить о событии с детьми и родителями, учитывая обширное освещение события в СМИ, как вести себя в классе учителям, как помочь детям, пострадавшим во время трагедии, как найти баланс осторожности, чтобы она не превратилась в сверхбдительность, которая может привести к восприятию любого незнакомца как врага и т.д. Команда встречалась с различными организациями, посещала школы, беседовала с учителями, рассказывала о разных техниках работы с детьми, направленных на выражение эмоциональных переживаний (рисование, сочинение, рассказ и т.п.).

На следующий день команда приступила к работе с группами или организациями, принимающими участие в реабилитационном процессе. Иногда команда разделялась и работала по отдельности с представителями разных организаций, в других случаях проводились общие встречи с большими группами. Израильяне рассказывали о своем опыте, а также о теоретических моделях кризисного вмешательства и техниках работы.

Еще одной частью их деятельности было установление контакта с волонтерами. В связи с нехваткой специалистов, десять молодых психологов, выразивших готовность работать с пострадавшими и их семьями, организовали группу самопомощи, собирающуюся ежедневно для обсу-

дения работы. Они создали кризисный центр, в котором люди могли бесплатно получить помощь. С этой группой было проведено шесть супервизорских встреч в течение двухнедельного пребывания израильской команды в Буэнос-Айресе.

Было положено начало созданию местной организации школьных психологов, которая могла бы взять на себя кризисное вмешательство. Большинство психологов в еврейских школах Буэнос-Айреса занималось исключительно диагностикой и приемом детей. Более того, многие из них ничего не знали друг о друге. Поэтому первым делом они были собраны на общую встречу, что послужило толчком к формированию профессионального сообщества.

Из всей проделанной работы были вынесены следующие уроки:

1) важность ЧС-плана, разработанного специалистами и постоянно проверяемого в разных условиях;

2) важность выбора «верного тона» при взаимодействии с администрацией и местными специалистами;

3) преимущества статуса внешнего участника, который помог команде сыграть роль катализатора в разрешении давних напряжений и способствовали прорыву в защитах у местных специалистов. Люди начали говорить о том, что считалось «табу». Другой стороной этого внешнего статуса стали амбивалентные чувства – ведь внешняя команда уедет после двухнедельной работы, а местные специалисты останутся перед лицом страдания и трагедии;

4) необходимость постоянной обратной связи относительно проделанной работы. Обратная связь подтверждала, что работа идет в верном направлении и служит положительным подкреплением. Команда была вдали от собственных систем поддержки, и ей требовалось нечто большее, чем просто взаимная поддержка;

5) важность последующего сопровождения, которое включало в себя консультирование, материалы, а также трехнедельный обучающий семинар для 26 психологов, приехавших в Иерусалим через 6 месяцев после трагедии.

Совершенно необходимы заранее организованные административные структуры, которые возьмут на себя инициативу во время ЧС. На первом уровне – это медицинские службы, полиция, силы безопасности, на следующем – психологические и социальные службы. Необходимо постоянное повышение квалификации и подготовка этих команд, распространение информации среди населения, так что одним из первых шагов должно быть создание соответствующего информационного центра.

* * *

Я бы хотел сказать несколько слов о будущем профессии школьного психолога, каким оно мне представляется. Вполне возможно, что скоро школа будет совсем не такой, как сегодня. Мы должны определить для себя, как мы видим и понимаем нашу профессию, и в соответствии с этим представлением ставить перед собой цели, к которым должны стремиться, а также разрабатывать стратегию планирования своих действий. Развитие и распространение экстренных служб в сфере психологии и образования – это вызов, с которым мы столкнемся в обозримом будущем. Я искренне верю, что наши прошлые успехи, наше творчество в созидании профессии, которая имеет значительное влияние и на отдельно взятых людей, и на систему образования в целом, даст нам силы и средства стать активными участниками будущих разработок.

В Талмуде сказано, что искусство предсказания было дано глупцам, так что я не стану предсказывать будущее. Но не будем забывать другое знаменитое изречение, принадлежащее Джону Скалли, о том, что лучший способ предсказания будущего – это создание его. Мы должны мечтать и оставаться в постоянном диалоге с нашими мечтами, пока не окажемся в новой – лучшей, более творческой – точке нашего пути, и снова рождают новые мечты.